

Искусство Довлатова

Исследование "Наших" и "Чемодана"

Аи Мория (守屋 愛)

Рассматривая произведения Довлатова, можно разделить их на три группы. К первой группе, хотя она по количеству совсем небольшая, мы отнесем несколько рассказов, например, его ранний рассказ "Дорога в новую квартиру". Такие рассказы не связаны с фактами биографии самого Довлатова. И их повествователи не считаются вторым "я" писателя. Эти рассказы созданы как чисто вымышленные истории.

А в произведениях следующей группы существует повествователь, которого можно считать вторым "я" их автора. Но, тем не менее, в этих историях совсем иные персонажи занимают места главных героев, а их повествователь там играет только второстепенную роль. Можно привести как примеры такие рассказы как "Иностранка" или рассказ "Встретились, поговорили". Но так как в произведениях этой группы между повествователем и другими персонажами много общего, особенно, например, изгнание из Советского Союза в Америку,

достаточно много моментов историй совпадает с действительностью жизни Довлатова.

Следующая группа историй, таких как "Зона", "Компромисс", "Наши" и "Чемодан" отличается от первых двух тем, что в них повествователь одновременно является и главным героем. И он рассказывает эти истории, почти основываясь на автобиографии автора Довлатова. Переводы как раз этих четырех повестей выпустили в Америке как отдельные издания.

Конечно, сам Довлатов сказал, что "правды и документальной правды и точности в его рассказах гораздо меньше чем кажется"¹, и что он очень много выдумал. И нам, читателям, тоже иногда легко заметить в них вымысел. Например, это обнаруживается в разнице описания персонажа, жены героя, Елены, или в противоречии года изгнания Довлатова между "Нашими" и "Чемоданом". В "Наших" Елена выступает как работница парикмахерской, а в "Чемодане" она - агитатор во время выборов. В "Наших" рассказчик, Довлатов, рассказал в главе о его двоюродном брате, Борисе, что он уехал из Советского Союза в 79-ом году. А в главе о дочери, Кате, мы читаем, что он решил уехать в 78-ом году. И дальше в "Чемодане" мы догадываемся, что он уехал в 80-ом году, потому что на дне чемодана лежала страница "Правды" за май восьмидесятого года. Однако, хотя таким образом в произведениях этой группы обнаруживается много расхождений в содержании, никогда не меняются основные этапы его жизни: студенческие годы в ленинградском университете, служба в лагерях, попытка творчества, журналистика в Таллинне, притеснения, изгнание и жизнь в Америке. Через разнообразные варианты повествователь, Довлатов, всегда шагает этим путем. Но если Довлатов написал "Зону" и "Компромисс" за сравнительно

¹ Глэд, Д. Беседы в изгнании. Москва. Книжная палата. 1991. стр.90.

короткое время его жизни, то "Наши" и "Чемодан" он написал с еще большей временной перспективой. Поэтому эти две повести можно считать самыми типичными среди его произведений.

Кстати, хотя в Японии Довлатов пока еще остается буквально "малоизвестным Довлатовым", но в прошлом году профессор нашего университета Нумано, являющийся следующим за мной докладчиком, использовал текст двух глав из повести "Наши" для изучения русского языка по радио. Эту программу передавали по 20 минут два раза в неделю в течение полугода. И текст Довлатова получил довольно доброжелательную оценку от слушателей. Кроме того, в прошлом месяце наконец вышла в свет отдельная книга "Наши", переведенная на японский язык так же профессором Нумано. Эта книга, конечно, первая книга Довлатова в Японии. Кроме того, у нас так же планируется издание перевода повести "Чемодан".

Но вернемся к нашему вопросу. Повесть "Наши" основывается на описании жизни четырех поколений семьи Довлатова, начиная с историй дедов по отцу и матери и кончая рождением сына в Америке. Она состоит из тринадцати глав, в каждой из них кто-нибудь из семьи кроме самого Довлатова играет центральную роль. Через отношения повествователя, Довлатова, с главными героями каждой главы его бывший образ в Советском Союзе проявляется перед нами еще живее. В то же время каждую главу можно читать как отдельный рассказ. Такой структурой "Наши" напоминают произведения Исаака Бабеля, например, цикл "Конармия", хотя по стилю и теме они совсем разные. В каждой повести, "Наших" или "Конармии", отдельные рассказы связываются в цикл голосом повествователя, Довлатова или Лютова, который считается главным героем всего цикла.

Структура "Чемодана" такая же как "Наших". История "Чемодана" начинается когда эмигрант Довлатов раскрыл свой

чемодан, который, хотя он привез с родины, долго прятал и даже никогда не развязывал бельевую веревку на нем. Из чемодана он вытащил восемь вещей, и эти вещи становятся заголовками глав. В каждой главе описывается рассказ, связанный с тем, как данная вещь попала к герою Довлатову. Таким образом, и повесть "Чемодан" как цикл так же составлена из отдельных рассказов. Кстати, в этой повести сам чемодан функционирует как альбом, как раз второй заголовок английского перевода "Наших" - "Русский семейный альбом". Так же как портретные фотографии, вещи в чемодане - это источник воспоминаний. Характерно, что в своих произведениях Довлатов часто употребляет такой способ, чтобы сосредоточить воспоминание ряда эпизодов на какой-то определенной вещи.

И Довлатов, и Бабель имели достаточно много материалов, чтобы писать длинные романы как Солженицын или Шолохов. Но они писали не так. Они оба были мастерами рассказа, и отличались тщательностью описания каждой фразы. Они оба известны тем, что создавали свои работы с большим трудом, и в результате они оставили произведения всего в нескольких томах.

Но в случае Довлатова вместе с тем важно, что он является и мастером анекдотов. Рассказы "Ремесло" или "Не только Бродский" состоят из анекдотов, а главы в "Наших" и "Чемодане" слагаются из анекдотических эпизодов. Критикам уже хорошо известна такая атмосфера анекдотов или вкус юмора Довлатова, связанная с такой традицией русской литературы как Зощенко, Хармса или Ильфа и Петрова. Однако, для японских читателей, даже для большинства исследователей русской литературы, она ассоциируется прежде всего с Толстым, Достоевским, Солженицыным. Русская литература воспринимается как что-то длинное, тяжелое, сложное, поучительное, за исключением всем легкопонятных рассказов Чехова. У нас только несколько

переводов рассказов Зощенко давно опубликовали в малотиражных антологиях советских рассказов. Поэтому многие японские читатели Довлатова удивляются его юмору, краткости и легкости, которые были далеки от образов русской литературы до этого.

Кроме того позиция и отношение к делам повествователя, Довлатова, которые проявляются из его речи, вызывают у нас сочувствие и симпатию. Как уже было сказано, бывает, что эпизоды в "Наших" и "Чемодане" расходятся друг с другом с точки зрения содержания. Но в каких бы условиях или положениях ни находились персонажи этих повестей, их характеристики не меняются так же, как их имена, героя всегда зовут Сергей, а его жену - Лена и так далее. Например, жена, Елена, характеризуется как очень спокойная и равнодушная и в "Наших", и в "Чемодане". И герой, Довлатов, сохраняет свой образ неудачника, человека, который испытывает сомнения каждый раз, когда попадает в абсурдные ситуации, хотя не порицает ни власть, ни общество. При этом, герой Довлатов совмещает роли действующего лица и повествователя, и его мысли и повествование неразделимо связаны, в частности, свойственная ему мораль отражается в его стиле повествования.

В отношении его позиции прежде всего характерно, что он всячески обходит решительные высказывания своих мнений. Герой Довлатов на каждом этапе встречается с абсурдом. Каждый раз он чувствует это очень чутко, но не выдумывает ясные ответы на эти вопросы. Например, в "Наших" когда повествователь рассказывает об аресте и расстреле деда Исаака без всякого основания, он только обращается с таким вопросом: "Ради чего прервали эту нелепую и забавную жизнь?" ^{注2}(II , 160) Кроме

^{注2} Все цитаты из слов и прозы Довлатова приводятся по изданию: Довлатов Сергей. Собр. прозы в 3-х томах. С-Пбг: Лимбус-пресс, 1993.

того, перечисляя возможности решения с формами вопросительных предложений, он часто заключает обдумывание фразой: "Не знаю..." (II , 163)

Герой Довлатов никогда не выносит решительные суждения о ценности чего-нибудь, что лучше, а что хуже . Его точка зрения на разные вопросы очень гибка. Он говорит примерно так: "У талантливых - одни несчастья в жизни..." (II , 242) или "Как все легкомысленные мужчины, отец был добродушным человеком." (II , 201) Таким образом Довлатов смотрит на объекты со всех сторон, сомневается в установившейся системе ценностей, обращает внимание на ее двойственность, и стремится рассмотреть суть дела.

Как я уже сказала, позиция и отношение к делам повествователя, Довлатова, которые проявляются из его речи, вызывает у нас, японских читателей, сочувствие и симпатию. По-моему, это отчасти потому, что сам японский народ склонен обходить решительные и определенные выражения . Но неясность речи не значит, что там мало мыслей. Даже у нас есть такие слова: "передача мыслей без слов" или "безмолвное понимание". Мы считаем их душевной тонкостью. Тут Довлатов предоставляет достаточно материала, чтобы догадаться о его мыслях. Если было бы еще больше слов, они испортили бы эстетику недосказанности.

Что касается влияния Америки на эти повести, можно рассмотреть его очень важную роль во многих аспектах. Особенно мотив изгнания, наложивший отпечаток на литературные произведения, написанные писателями в эмиграции, оказал большое влияние и на рассказы "Наши" и "Чемодан" и породил двойственность времени и места, соединил

прошлое и настоящее, Ленинград и Нью-Йорк.

Но в этих произведениях американские моменты проявляются не только в сюжете историй, но и в их стиле. Интересно, что сам Довлатов отметил, что между русской и американской литературой существуют чрезвычайно серьезные различия, и что в американском понимании русская литература не является литературой, и в русском понимании американская литература это не совсем литература. Далее он говорил, что его привлекал лаконизм американской литературы, ее принципиальная краткость. Именно в подтверждении этого, читая эти произведения, мы узнаем такую чрезмерную краткость каждого предложения, которая необычна для знакомой нам русской литературы.

И, например, когда мы переводим их на японский язык, мы встречаемся с такими же трудностями, которые испытывал японский переводчик Хемингуэя.^{§3} После своего перевода его произведений он написал, что Хемингуэй слагает краткие предложения, снимая все лишние орнаментальные слова. Его повествование захватывает движения дел и персонажей, не теряя чувство их ритма и скорости. Его известный стиль очень сложно перевести на японский язык. Слишком гладкий японский язык, или японский язык, который очень точен по смыслу, теряет такие достоинства подлинников. Но тем более дословный перевод будет похож на сочинение школьника начальной школы. Это слова о Хемингуэе, но они так же подходят и к Довлатову. Довлатов сам признается в своем увлечении американской литературой. И мы не можем отрицать большой фактор влияния американской литературы на его творчество.

В этих произведениях совместились Америка и Россия, или Советский Союз, в местах действия, в культурной атмосфере

^{§3} Танигути, Рикю. "Прощай, оружие" Хемингуэя (I). Токио. Иванами.1957. Стр.216.

историй и в самом стиле текста. Эти повести как бы включают в себя американскую и русскую литературу.

Как уже было сказано, для Довлатова эти две литературы были противостоящими и несовместимыми. Но именно Довлатов смотрит на объекты со всех сторон, сомневается в установившейся системе ценностей, обращает внимание на ее двойственность, и стремится рассмотреть суть дела, поэтому он мог создать такие увлекательные произведения, как "Наши" и "Чемодан", таким способом. И в результате этого, произведения Довлатова вызывают особенно у японских читателей чувство, что они встречаются с чем-то новым в русской литературе.